

на работу в аккуратном костюме и при галстуке. Говорили, что у него есть даже не один костюм, а это было уже признаком "богатого жениха". Тем более, что на зависть другим взрослым парням, Петька имел велосипед и хромовые сапоги с галошами.

Мать была весьма строга не только к поведению, но и к внешнему виду Петьки. Я был свидетелем того, как она заставила его вернуться домой, чтобы поменять рубашку и галстук, которые ей тогда не понравились. Взрослый сын так и не смог переубедить ее, настоять на своем.

Несмотря на его регулярные посещения танцевальных вечеров и других "массовых мероприятий", жениховское дело у Петра не двигалось. Местные девушки, зная о нраве Макаровны, сторонились такого "богатого жениха", а ребята, которые были им моложе его, открыто потешались над ним. Так и жил в "ежовых рукавицах" своей матери этот взрослый и совсем бесправный парень, фамилию которого знали, видимо, только на работе. А на улице и по соседству все звали его Петька Макаровнин.

...ВОЙНА ворвалась в жизнь нашего поселка неожиданно-негаданно. Один за другим уходили на фронт взрослые парни. Осенью дошла очередь и до Петра. Макаровна собрала ему фанерный чемодан, вместе с ним пришла в военкомат, а потом проводила и до вагона "дачного" поезда, в котором отправлялись в Пермь призывники.

Получив от сына письмо, она разыскала его в Бершети, где формировалась их часть, и, несмотря ни на что, ездила к нему каждую неделю. Однако подробностями своих встреч с сыном Макаровна ни с кем не делилась.

За это время старуха очень изменилась. Соседи замечали, что она стала часто задумываться и плакать. Ну что ж, это и понятно, думали люди: один сын, и тот скоро пойдет на войну. Есть о чем горевать и беспокоиться матери.

Однако не близость отправки сына на фронт не давала спать Макаровне. Приезжая к нему, она с каждым разом видела, как копится в его глазах беспокойство и страх перед будущим. Как часто крутил он сигарки, хотя раньше был ярим противником курения.

В запасном полку Петра определили по его гражданской специальности: он был поваром и тягот строевой солдатской службы не особенно ощущал. Зная, что командир части может позволить хорошего повара у себя в лагере, т.е. не отправлять его на фронт с маршевым батальоном, Петр изо всех сил старался послужить перед ним, заслужить доверие и высокую оценку. Это заметили его товарищи по кухне и стали открыто презирать парня. Однажды они подняли его на смех и сказали: "Зря стараешься. Все равно на фронт отправят". Так оно и случилось. Ни один из поваров их запасного полка в Бершетских лагерях оставлен не был.

Бедя не приходит одна: их эшелон проследовал через нашу станцию напроход, не останавливаясь. Напрасно ждали тогда его на вокзале, надеясь на последнюю встречу, Макаровна и другие солдатские матери и жены. А где-то дальше, в пути, с Петром случилась непоправимая беда, т.е. то, чего больше всего боялась Макаровна.

Винной всему был животный страх за свою жизнь, который, как удав, сковал его душевные силы, парализовал волю, совершенно лишил способности сопротивляться. И случилось это еще далеко от фронтовой полосы.

Мимо их эшелона то и дело проходили санитарные поезда, которые торопились в тыл. И как-то раз, словно озарение, пришла к Петьке мысль: надо заболеть, сильно и надолго заболеть, чтобы оказаться в медсанбате, в госпитале. Лишь бы подальше от фронта, от взрывов, сотрясающих землю, от свиста пуль, осколков, от всего железа, которое беспощадно калечит, рвет, убивает. Но как сделать это?

Его беспокойно бегающий взгляд заметил с какой силой закрывали дверь двое дневальных, стараясь сберечь тепло в вагоне. Прокатившись на роликах, массивная дверь сильно и жестко ударила в стенку проема. И он решил...

Вечером, на очередной остановке он спрыгнул на землю и, жадно затягиваясь сигаркой, долго стоял у вагона. Вот и сигнал отправления. По лестничке он поднялся в теплушку и остановился у правого обреза дверного проема. Поезд, уверенно набирая

скорость, проскочил стрелочные переводы. И когда, выполняя приказание взводного, дневальные навалились на дверь вагона и покатили ее, Петька быстро сунул кисть правой руки в дверной проем.

Не заметить этого со стороны было просто невозможно. Остра боль в ломающихся от дверного "рукопожатия" суставах вырвала из его глотки дикий крик, который слился с криком недоумения и ужаса стоящих рядом товарищей.

Его подняли и положили на ближние нары. Санинструктор наложил ему жгут и повязку. А на следующей большой станции арестованного Петьку под расписку, с сопроводительной, сдали военному коменданту. Затем было следствие и суд военного трибунала. Приговор его был суров: за умышленное членовредительство - расстрелять. Таков закон военного времени. Не было и задержки с приведением в исполнение ...

КОГДА Макаровне принесли повестку военкомата, она сразу поняла: случилась беда. Почувствовала, как разгорается в груди горячий уголёк. Глубоко выдохнула и тихонько опустила на стул. Посидела, не шевелясь: боль постепенно отпустила сердце.

Собрав все силы, она пришла в военкомат и молча выслушала все, что ей смогли рассказать. Подготовив себя к худшему, т.е. к известию о том, что Петька ее погиб или пропал без вести, Макаровна не сразу смогла понять содержание суровых слов приговора военного трибунала...

Очнувшись она на жесткой кушетке в комнате дежурного по военкомату. Вспомнила строгий взгляд военкома и его резкие слова "членовредительство", "преступная трусость"... Горло у нее снова перехватил спазм, но, надевая платок, она перетерпела его и, опираясь на стену, пошла к двери. Жестом отстранив руки, которые попытались поддержать ее, Макаровна вышла в коридор и медленно спустилась по лестнице.

Никого и ничего не замечая, как во сне, она прошла улицу, переходной мост, добралась до дома, открыла ворота и во весь рост рухнула у крыльца. Парнишка, сопровождавший ее из военкомата, позвал на помощь соседей...

Соседка ухаживала за ней и возвратила ее к жизни. Когда потеплело, она вывела старуху на улицу и усадила ее на скамейку,

ожили. С тех пор Макаровна снова была здесь, на своем командно-наблюдательном посту". Однако это был уже совсем другой человек, не похожий на прежнюю Макаровну.

Она сидела так же строго и прямо, опираясь на свою палку. Лицо ее, пугающе потемневшее и осунувшееся от горя и болезни, по цвету мало отличалось от большого черного платка. неподвижно глядя перед собой, старушка не видела больше ничего. Свет для нее погас навсегда...

Думается, что трагичнее и несчастнее этого варианта решения "треугольника" мать - сын - война просто не бывает.

А ведь мог же честно пройти свой солдатский путь и уцелеть этот верещагинский парень! Известно, что не каждая пуля - в цель, не каждый осколок убивает. А он позволил страху убить в себе человека и сына, защищающего свою мать. Своим малодушием и трусостью он опозорил ее седины и лишил света. Нет и не может быть оправдания такому поступку!

◆
НЕТ сомнения в том, что многообразие характеров, судеб и обстоятельств способно дать множество других вариантов решения экстремальных задач этой жизненной "геометрии". Здесь же было приведено только три из них. Но уже на их основании можно сказать, что для разума и сердца матери отправка ее сына на войну всегда была и будет испытанием, труднее и страшнее которого не существует. Ведь война - это всегда кровь, гибель и страдания людей. Пережить же сына, т.е. прожить на свете больше, чем он, для отца и матери - трагедия страшная и по сути своей недопустимая. Недопустимая потому, что это противостоит естественной и ненормальной. Это противоречит всем законам природы и общества.

И нет ничего страшнее родительского проклятия тому, кто сейчас развязывает войны и посылает туда их сыновей. Даже если он называет такую войну конфликтом и фарисейски трубит при этом о своем миролюбии, целостности государства и защите прав человека.

1995 год.

СВЕТ ДОБРОТЫ

*Добро делать
спешить надобно.*

/А.В. СУВОРОВ/

КАКОЕ все же прекрасное, радостное и бодрящее это слово - "доброта"! Ведь если вдуматься в него, то оно воспринимается, пожалуй, как нечто светлое, мирное, спокойное, располагающее к себе и вселяющее надежду. Но, вместе с тем, оно и прочное, устойчивое и широкое, как будто твердо уверенное в себе, в своей правоте, правде и силе. То есть доброе уже само по себе добротное. А все добротное, надежное и прочное издавна было уважаемо на Руси.

Думается, что пришло к нам это притягательное и звучное слово "доброта" из седой глубины веков. Ведь по современному нашему словарю почти 30 русских слов произошло от него. Здесь и добродетель, доброжелательность, добродушие, добросердечность и многие другие, им подобные. А вспомните-ка еще дохристианские народные имена славян - Добрыня, Добряна, Добродея!

Народная мудрость сочиняет и передаёт из поколения в поколение, как эстафету нравственного воспитания, множество замечательных и метких пословиц и поговорок о доброте, доброй памяти и отзывчивости. Вроде - "Живи добрее, будешь всем милее", "Добро сеять - добро и пожинать", "На добрый привет - добрый ответ" и т.д.

Однако известно, что вместе со всем положительным в природе и обществе неизбежно возникает и с ним соседствует его противоположность или, как теперь говорят, - "альтернатива". Так, видимо, вместе с "добром" возникло и "зло". И оба эти понятия совсем не мечты, как поет в своей арии один из героев оперы П.И. Чайковского "Пиковая дама" ("Добро и зло - одни мечты"). Их далеко не мирное сосуществование - неотвратимая реальность и в прошлом, и в настоящем.

Но если добро и доброта как положительные нравственные

понятия и человеческие качества в народе были издавна принимаемы, то носителям зла, злобы, злодейства, злонамеренности приходилось их прятать, маскировать, т.е. в основном проявлять и носить их скрытно. И в этом - опасность и коварство последних. Помните, пожалуйста, такие пословицы как: "Про доброе дело говори смело", "Делая зло, на добро не надейся", "Худому делу - худая слава, доброму делу - добрая память".

И как верно сказано: "Доброму делу - добрая память"! Действительно, если человек, от кого-то получивший зло, переживает это и, как правило, о нем со временем забудет, то доброе дело, доброта человеческая обладают замечательным, удивительным свойством - памятью. Доброй и долгой памятью. То есть доброта, как правило, забываема.

И это очень хорошо. Эти прекрасные свойства человеческой памяти помогают людям спокойно жить, добрососедствовать, не копить зло, не передавать его потомкам, как эстафету, в полученном или увеличенном объеме. А, с другой стороны, запоминая добрые к ним дела и поступки, люди, озаренные их светом, стремятся умножать или, по крайней мере, повторять их из поколения в поколение.

Однако не слишком ли идеальную картину рисуем мы в своем воображении? Одно скажу: идеальную, но не слишком. Ведь у каждого из нас, если вспомнить, найдутся в жизни тому подтверждения. О таких, навсегда памятных мне уроках доброты я готов рассказать вам.

МНОГО "воды утекло" с того летнего дня 42-го года, но всё, случившееся тогда со мной, я помню и поныне. И все это, видимо, потому, что в тот день я дважды встретился с человеческой добротой, которая так помогла мне. Совершило незнакомые мне люди выручили меня в трудную, казалось, просто безвыходную минуту, спасли от испуга и растерянности, которые перерастали в настоящее отчаяние...

В то лето из всей нашей семьи я остался одним, кто по малолетству своему еще как-то мог располагать собой. Старшие наши или уже работали, или были пермскими студентами. Связанные своими всевозможными обязанностями, они появлялись

дома в качестве “гостей”, т.е. от случая к случаю. У меня же, окончившего 6-ой класс, шли обычные школьные каникулы.

Время было трудное и голодное. Однако здорово выручали лес и огород, если, конечно, не поленишься. А так как старшие были заняты своими делами, то летнее снабжение дома “дарами леса” стало моей обязанностью. Моими “трофеями” были сначала земляника, потом - грибы. А в конце июля наступила пора малины, нашей уральской царь-ягоды, которая сладко кормит, а в случае нужды, еще и замечательно лечит.

Помню, что в лесу, у деревни Беляевки были тогда богатейшие малинники, откуда я ежедневно приносил трехлитровый котелок ягод. Ходил я туда в одиночку, хотя это и было небезопасно. И совсем не потому, что не было у меня на то приятелей. Мне просто нравилось быть в лесу одному. Никто не зовет тебя, не навязывает время и место, не отвлекает своим “ауканием”. Идешь себе, собираешь ягоды, обо всем можно подумать спокойно, перебрать в памяти все прочитанное в библиотеке, увиденное в кино...

Но вот однажды вечером собрала нас “по цепочке” наша новая классная руководительница и говорит:

- Ребята, получено задание. Госпиталю нужны ягоды. Поэтому завтра все вместе идем в лес, и каждый наберет по три литра малины. Раненые вам спасибо скажут за это.

Ну что ж, надо так надо. Правда, я тут же подумал, что в одиночку с этим заданием справлюсь быстрее, чем в нашем “колхозе”. Выказал свое предложение учительнице, и она согласилась. Только сказала строго: “Вечером сам принесешь ягоды в школу и сдашь мне. И чтобы было не меньше трех литров. Понял?”.

- Понял,- ответил я. И утром, как всегда, был в своем заветном Беляевском лесу.

Однако в тот день мне почему-то не очень “везло”. То ли потому, что попал я на “выбранное” уже место и никак не мог оторваться от этих кустов, чтобы не обобрать их до последней ягодки. То ли ягоды уже начали осыпаться. Одним словом, котелок мой наполнялся медленнее, чем обычно. Но к полудню я все же почти наполнил его.

Тяжеловат стал мой котелок и, опасаясь запнуться обо что-нибудь, и высыпать малину на землю, я оставил его на месте, а сам ходил вокруг и собирал ягоды “в ладошку”. Наберу горсточку-маленькую в котелок, снова набираю и т.д. Сделал так сколько-то раз, почти наполнил его до краев и вдруг...потерял свой котелок из виду. Ничего, думаю. Сейчас найду. Здесь где-то он, недалеко ...

Начал ходить кругами. Сначала - маленькими, потом все больше и больше... Нет его нигде! Забеспокоился. Время идет! Сел я на пенек, чтобы подумать. И тут понял, что ушел в сторону от прежнего места. Обходя пни и валежник, я, конечно, отклонился. Забеспокоился еще больше. Ягоды мои в ладошке уже в комок превратились...

Ускорил свои поиски. Однако нет нигде моего котелка, как сквозь землю провалился!... На душе стало противно, как подумал и представил себе, что будет, если я вообще его не найду? Что я тогда скажу учительнице? А ребятам? Стыдно сказать: “Набрал ягод и потерял их”! Ведь не поверят! Подумают, что обманываю их, для раненых жалею. Они за тебя кровь на фронте проливали, а ты что полезного для них сделал ?

Нет! Надо искать и обязательно найти этот негодный котелок! Сам виноват, что потерял... А раненые на костылях многие...

Прошло уже не меньше двух часов моей непрерывной ходьбы и кругами, и зигзагами. Устал, еле ноги волочу. Перед глазами все рябит от напряжения. Ничего уже толком не различаю в зарослях травы около кустов малины. Чувствую себя настоящим предателем. Лучше бы мне сквозь землю провалиться вместе с этим проклятым котелком !

И ТУТ вдруг меня окликают: “Мальчик, что с тобой ? У тебя что-то случилось?” Останавливаюсь, оглядываюсь. Смотрю-стоят в кустах мужчина и женщина. Молодые еще. Корзинки в руках. Значит, “ягодники”, как и я. Наверное, вид у меня был такой испуганный и жалкий, что они сразу поняли: случилась у парня беда.

- Потерял, - говорю - свой котелок с ягодами. Почти полный набрал и потерял его. Поставил где-то на землю и теперь не могу найти.

- И давно ищешь? Какой он у тебя ?

- Давно уже,- отвечаю я. - Коричневый он такой, эмалированный. Ручка сверху.

Показываю им руками его размеры и устройство. И, не выдержав своего жалкого состояния, начинаю издавать какие-то неясные звуки, т.к. комок к горлу подкатывает.

Покачали они головами, подошли ко мне и давай успокаивать.

- Не плачь,- говорят,- давай вместе поищем. Покажи, где ты примерно был?

Показал им, где я кружил и уже изрядно вытоптал траву. Пошли мы все вместе.

А дальше случилось невероятное! Не прошло и трех минут, как наклоняется тот мужчина в сторону и...поднимает из травы мой злосчастный котелок! Я сначала просто глазам своим не поверил. Думаю, кажется мне... Смотрю на него, как на чудо.

- Этот ? - спрашивают меня.

- Этот! - кричу, - он самый! Спасибо вам, вы так меня выручили! Я уж и не надеялся, что найду его. А вечером ягоды надо в госпиталь раненым нести. Перепугался я: думал, не успею, не смогу...

Улыбаются они, глядя на меня такого, вмиг ставшего счастливым.

- Ну вот и хорошо,- говорят. - Значит, все в порядке.

А потом мужчина тот хлопнул меня по плечу и говорит:

- Подставляй-ка свою посудину. Мы тебе добавим ягод. Пусть это будет раненым от нас. А ты домой сейчас отправляйся, ведь с утра, наверное, здесь. Да?"

Я кивнул, глядя на них сквозь какую-то пелену. А они насыпали ягод полный мой котелок и еще "горку" сверху. Снял я свой картуз, накрыл им ягоды, чтобы подстраховать, если вдруг запнусь. Сказал "спасибо большое" своим спасителям и счастливый такой пошел в сторону опушки. Потом я еще раз оглянулся, а они даже рукой мне помахали издали.

Ну а потом изгородь молодых елочек навсегда заслонила их от меня. Невелик был тогда наш юный город, но я никогда больше не встречал этих людей. А, может, они были из эвакуированных к нам ?

ВЫЙДЯ из леса, вышел на верещагинскую дорогу, которая "попала" таким поднималась здесь к деревне Черномясово. Пройдя немного, чувствую, до того устал, что ноги еле тащу. Они даже "заплетаться" у меня начали. Остановился, сел на обочину. Еще километра четыре,- думаю,- до Верещагино".

Тут вижу, что повозка, которая пылила сзади, подъезжает ко мне и останавливается рядом. В ней - женщина средних лет и девочка, видимо, из младших классов.

Тебе в Верещагино, мальчик ? - спрашивает меня женщина. - Сидись, подвезем. - И она освободила мне место в дрожках.

Сказав "да, да, спасибо", я не дал себя долго упрашивать и вскоре сидел рядом с девочкой. Женщина пересела на облучок, и наша лошадка наша пошла доброй рысцой даже в гору.

Эта неожиданная и новая помощь была мне очень кстати, т.к. мой трехлитровый котелок с малиной давно уже казался мне пудовой гирей. А сколько бы я еще добирался до места? Едва ли бы успел тогда к сроку. А тут мне просто "повезло", т.к. мои попутчицы ехали в "Заготзерно", и они высадили меня около нашей школы. Так я второй раз встретился с бескорыстной добротой совсем незнакомых мне людей. И все это случилось в один, теперь навсегда памятный мне день.

В школе я сразу понял, что "финиширую" вовремя: мои одноклассники только что пришли из леса. Кстати, они высыпали в общую корзину совсем не больше, чем я, "единоличник". А сколько времени у меня было потеряно в тот день на поиски своих, уже собранных ягод? Правда, об этом приключении я "скромно умолчал". Засмеяли бы меня ребята, это точно.

Учительница похвалила нас всех и сказала, что ягоды сегодня же отвезут в госпиталь. А потом нам оттуда передали благодарность.

Помню, пришел я домой уставшим, но довольным. Уплетая за столом домашнюю крошку, я рассказал матери о своих приключениях. А она задумчиво так посмотрела на меня и говорит: "Вот видишь, сынок, мир не без добрых людей". Мастерница она была на пословицы и поговорки...

С ТЕХ ПОР прошла целая жизнь. С высоты прожитых лет, как

и в одной хорошей песне, мне уже можно сказать: "Много встречал я на разных дорогах добрых людей и недобрых людей". Ведь "жизнь прожить - не поле перейти". Все в ней было, и хорошее, и плохое, как у всех. Были и незаслуженные обиды, нанесенные корыстными, недобрыми, нечестными людьми. Не раз обидно было и оттого, что подлостью платили за бескорыстное добро. Но даже и при этом я никогда не соглашусь со словами, которые иногда можно услышать: "Не делай людям добра, не получишь зла". Не соглашусь, потому что по этому правилу могут жить только недобрые люди.

Мне, например, никогда не забыть доброты сердобольных пожилых женщин, которых мы, десяток парней в военной форме, встретили летом далекого 45-го года. Совершая дальний переход по лесостепным просторам Зауралья, мы остановились у деревенского колодца, чтобы утолить жажду. Помню, что со своим, весьма небогатым сухим пайком мы нерасчетливо "расправились" еще накануне. Разглядев нашу усталость и, честно говоря, заморенность, женщины, ни слова не говоря, моментально принесли нам хлеба и молока. Помню их грустные глаза, сочувственные вздохи и слова: "Может, и моего солдата кто-то там угостит", - которыми они отвечали на наши благодарности.

Надеюсь, что эта давняя встреча стала примером урока доброты не только для меня, но и для тех моих товарищей. Ведь не зря говорят: "Рубашка изнашивается, а доброе дело не забудется".

Хочется надеяться, что когда-нибудь в наших школах доброта будет преподаваться в качестве обязательного предмета гуманитарного профиля. Чтобы с уроками доброты дети встречались с самого раннего возраста. Чтобы эта наука о нравственности была чужда насаждаемой ныне морали типа ЧЧВ (человек человеку волк). На ее уроках надо учить детей умению ощущать чужую боль, беду или нужду, как свою, быть взаимно добрыми и доброжелательными.

К несчастью, в наши дни мы все чаще видим бессердечие и жестокость подростков. Растлевающее воздействие на формирование их общественного сознания оказывает шквал и засилие зарубежных теле-, видео- и кинофильмов, культивирующих жестокость и насилие всевозможных разновидностей.

Стараются не отставать от них и наши средства массовой информации и культуры в своей погоне за "модой" и в стремлении подняться "на уровне зарубежной цивилизации".

В заключение нельзя не напомнить слова замечательного английского писателя-моряка Джозефа Конрада (1857 - 1924): "Добротелю должна быть наградой сама по себе, если она вообще чего-нибудь стоит". То есть, если за вашей добротой стоит надежда или расчет получить достойную или большую компенсацию, то ваша доброта перестает быть таковой. То есть такая "доброта" светиться не способна.

Так что же это такое доброта? Это - отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление сделать добро другим.

Спросите себя: добрый ли вы человек? Если вы способны на такую отзывчивость и такое, т.е. душевное расположение к людям, если вы стремитесь делать им добро, то спешите делать это. Иначе будет поздно. Не опоздайте! Как говорил наш великий соотечественник Александр Васильевич Суворов (1729-1800): "Добро делать спешить надобно".

Доброта нужна людям всегда, и она должна быть всегда вовремя, а еще лучше, если она будет проявлена пораньше, чтобы смогла упредить зло. Человек, по мнению Л.Н. Толстого, - доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только с добром и истиной.

Так пусть же свет доброты и взаимная доброжелательность людей помогают вам жить! Пусть злоба и зло никогда не остудят ваше сердце, люди!

1998 год.

“ВЗВЕЙТЕСЬ. СОКОЛЫ. ОРЛАМИ !”

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы !*

/А.С. ПУШКИН/

ЭТА старинная солдатская песня почти каждый вечер далекого 45-го года лихо звучала на темных улицах поселка Уралмаша, когда по ним проходили стройные колонны мальчишек в военной форме, с погонами авиаторов. Здесь, в заводском районе Свердловска, на улице Краснопереконской располагалась специальная средняя школа Военно-Воздушных Сил №13. Ей было отведено, красивое пятиэтажное типовое школьное здание недалеко от трамвайной остановки “Центральный поселок”.

Перед зданием школы, помню, стояли три, непонятно откуда и еще до меня появившихся, заправских военных самолета. Справа от центрального входа был изрядно покалеченный, но гордый богатырь ДБ-3ф (двухмоторный бомбардировщик), а слева - два истребителя МиГ-3, вид которых был поприличнее, чем у “бомбёра”. Поэтому, если случалась редкая тогда возможность сфотографироваться, то “спецы” (т.е. учащиеся спецшколы) обязательно позировали на фоне МиГов.

Нынешняя молодежь едва ли знает о том, что за несколько лет до войны в Советском Союзе при Наркомате (ныне - Министерстве) просвещения была введена система спецшкол. Они были трех видов: специальные средние школы Военно-Воздушных Сил, специальные средние школы Военно-Морского Флота и специальные средние артиллерийские спецшколы. Создавались они, как правило, в крупных областных и республиканских центрах, морские спецшколы - в портовых городах, артиллерийские - в промышленных центрах с артиллерийскими заводами.

По сути, это был прообраз нынешних суворовских и нахимовских училищ, которые начали создаваться уже в разгар войны, с августа 1943 года, для обучения и воспитания мальчиков-

и юношей военнослужаших, партизан и т. п. В училища эти сначала принимались дети 8-10 лет, которые учились здесь все 10 классов. В спецшколы же зачислялись подростки, окончившие 7 классов, и учились они здесь 3 года.

Спецшколы всех видов были специальными военно-учебными заведениями, дающими, наряду с общим средним образованием, специальные и военно-технические знания, необходимые для успешного обучения в соответствующих военных училищах и последующей службы по специальности в офицерском звании.

Несомненно, что создание военных спецшкол в конце 30-х годов было обусловлено заботой государства о массовой подготовке военных кадров в условиях приближающейся войны. Это было дальновидное и удачное решение. За свое существование спецшколы подготовили огромное количество высокообразованных военных специалистов основных видов Вооруженных Сил. Многие из их воспитанников со временем стали видными генералами и адмиралами, которые прославились в годы войны и в послевоенное время.

Так, один из хорошо знакомых мне выпускников спецшколы ВВС № 13 Рюрик Тимофеев, в 1962 году был удостоен звания Героя Советского Союза. В 1946 году, после окончания спецшколы, он поступил в Ленинградское Высшее военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского. Будучи командиром электромеханической боевой части атомной подводной лодки Северного флота “Ленинский комсомол”, инженер-капитан 2-го ранга Р.А. Тимофеев обеспечил ее успешное подледное плавание с Кольского полуострова на Северный полюс и обратно. И подобных примеров немало.

К сожалению, в настоящее время история жизни и деятельности спецшкол в нашей стране почти забыта. Об их существовании не упоминают ни Большая Советская, ни Советская Историческая энциклопедии, ни другая справочная или военная художественная литература. Возможно, что это произошло по известной русской пословице: “У семи нянек - дитя без глаза”, т.е. из-за двойной роли и подчиненности таких учебных заведений. Спецшколы входили в структуру бывших тогда военных отделов Наркомата просвещения, курировались же они

Наркоматом обороны, в вузы которого направлялись их выпускники. После ликвидации спецшкол в начале 50-х годов и та, и другая структура о них просто и быстро забыли, тем более что спецшколы были уже надежно заменены сетью суворовских и нахимовских училищ.

Думается, что нашим военным писателям целесообразно обратить внимание на историю спецшкол и их роль в воспитании достойных защитников Родины. Для нашей литературы - это богатый пласт совершенно не тронутой целины тем и сюжетов о тех своеобразных коллективах героических и трудолюбивых мальчишек, с погонами на плечах. Их в свое время в шутку называли "потешными войсками Наркомпроса", но по заслугам любили и ценили в народе. В пределах этого рассказа я доложу читателям некоторые, необходимые о них сведения.

ЧИСЛО спецшкол в стране было довольно значительно. Все они имели общесоюзные номера. Так, Московская и Ленинградская спецшколы ВВС имели номера 1 и 2 соответственно. В Сталинграде была ССШ ВВС № 7, в Свердловске - ССШ ВВС № 11, в Киеве - ССШ ВВС № 13 и т.д. Помню, что в Горьком была спецшкола ВМФ. Московскую артиллерийскую спецшколу в свое время закончил сын И.В. Сталина - Василий. Затем он учился в Качинском авиационном училище (под Севастополем) и войну начал летчиком-истребителем в звании капитана.

Сталинградская ССШ ВВС № 7 была в войну эвакуирована в г. Оханск Пермской области. Киевская ССШ ВВС № 13 была эвакуирована в нос. (ныне - город) Заводоуковск Тюменской области, а оттуда переведена в город Свердловск. В ней-то и довелось в течение двух лет, с 1944 года, учиться автору этих строк, после прохождения в Перми довольно строгой "лётной" медицинской комиссии.

Время тогда было военное, напряженное, жизнь по-прежнему - трудная и, в основном, - голодная. Чтобы сносно существовать, спецы работали на лесозаготовках, в крупных совхозах Свердловской области, выполняли различные "подрядные" работы, чтобы были возможны отопление, питание (хоть немного сверх скупых карточных норм), пошив обмундирования и прочая "проза" нашего быта.

Как правило, почти все лето уходило на такие работы - приработки. Учебный год начинался всегда на месяц позже, т.е. с 1-го октября. Труднее всего нам доставалось на лесозаготовках, где обычно жили в лесных шалашах, в сырых комариных местах. Об изнурении и трудной работе на лесоповале мальчишки уже через месяц порой ослабевали настолько, что ноги у них подгибались, как ватные. Непросто было даже тащить на себе пилу и топор к месту работы, где предстояло выполнить на двоих дневную норму: свалить, распилить и сложить в штабель, поближе к дороге, пять кубометров двухметровых бревен. Работа на сопковых полях или сенокосах была для нас предпочтительнее: там было вдоволь картошки, а растущим мальчишкам все время довелось есть.

Несмотря на все трудности военного времени, спецы, возвратясь в школу, жили интересно, учились с желанием и энтузиазмом. Они считали себя авиаторами, готовились стать воздушными асами и обязательно - летчиками-истребителями. А пока терпеливо изучали в классах аэродинамику, общее устройство самолета и поршневого авиадвигателя, тактику авиации и т.п.

Гордостью нашей школы был свой духовой оркестр, который высоко котирировался на Уралмаше. С искренним интересом воспринимали свердловчане наши впечатляющие строевые смотры с участием духового оркестра, художественную самодеятельность, лыжные и другие спортивные соревнования.

Спецшкола жила полной жизнью военно-учебного заведения. Частыми нашими гостями были видные авиаторы и ученые, авиационные и уралмашевские инженеры, бывшие выпускники спецшколы, деятели искусства столицы Урала. Каждый из них что-то давал и для разума, и для сердца будущих защитников Родины.

Школа была разделена на роты и взводы, с соответствующими командирами из офицерского состава от начальника, командира батальона до комвзводов включительно. Все они имели прямое отношение к Военно-Воздушным Силам, некоторые из них были фронтовиками, списанными по ранениям или здоровью летчиками

или авиатехниками. Для нас они были не только образцами, но и кумирами. Наши наставники учили нас и службе, и военной жизни. Командирами отделений назначались лучшие и воспитанников школы.

Строевые прогулки по улицам поселка Уралмаша, поротные проводимые после часов самоподготовки, перед вечерней поверкой и отбоем, а также выходы в кино и т.д. - обязательно сопровождалась песней. Были в наших ротах, как и везде, свои любимые строевые песни и свои запевалы. Такое скажет, наверное, каждый солдат, кому знакомы и памятливы годы, проведенные в воинском строю. А ротные запевалы в армии обычно пользуются уважением и авторитетом сослуживцев. Это, как правило, парни от природы обладающие сильным и звучным голосом. Лучше, если этот голос высокий такой, "тенористый". Такой как-то сразу настраивает солдат на бодрость и песню, заставляет их мигом подтянуться, выправить и "ножку", и равнение в рядах и в затылок. Да и со стороны хорошо смотрится момент запева строевой песни. А солдаты это чувствуют и хотят еще больше понравиться тем, кто их видит. Об одном таком запевале мне хочется сегодня вспомнить и рассказать вам.

ОН ПОЯВИЛСЯ в нашей роте в сентябре 45-го года, уже после того, как мы вместе со всеми пережили первый и самый радостный в нашей истории Праздник Победы, а затем и провели летний лагерный сбор на берегу знаменитого и красивейшего на Урале Исетского озера.

Вернувшись тогда в Свердловск, мы узнали, что в нашу выпускную первую роту добавилось два взвода парней из Ленинградской спецшколы ВВС № 2. В начале блокады Ленинграда та была эвакуирована на Алтай, в г. Ойрот-Тура (ныне - Горно-Алтайск). А тогда, в 45-ом, ее после выпуска расформировали, а выпускников будущего года передали в нашу спецшколу вместе с их командиром роты, лейтенантом Павловым.

Наши новые однокашники рассказали нам, что их эвакуированную школу расформировали потому, что в Ленинграде к тому времени уже открыли новую ССШ ВВС № 2, и не было смысла везти их туда с Алтая. Тем более, что никого из ребят-

еще не спасенных от блокады, к 45-ому году у них уже не было. Последующие их наборы состояли только из сибиряков и алтайцев.

Новички оказались народом покладистым и никаких "трений" с нашими старожилов, с ними не возникло. Всех их распределили по нашим взводам, которых теперь в нашей роте стало пять. Уже через какую-то месяц различий между нами, не было совершенно. Некоторые затруднения среди новичков в нашем, пятом, взводе возникали лишь братья-близнецы Карповы, которые были похожи друг на друга, как две капли воды. Рост, цвет глаз, волос, улыбка и все остальные признаки этих парней, одетых в одинаковую форму, были, как у "штампованных". Единственное, почти незаметное различие - маленькая родинка на щеке у одного из них. Так до самого выпуска мы и звали их: "Карпов с родинкой" и "Карпов без родинки" или просто - "Карпов - без", на что эти добродушные коренастые ребята совсем не обижались. Тем более, что настоящие их имена - Александр и Алексей - были тоже близки.

Помнится, что в одно из первых воскресений сентября нас всех отправили в Арамил, где в районе военного аэродрома было огромное поле картошки, которую нам надлежало убрать и поставить на склады.

Погода была ясная, теплая. Настоящая "золотая осень", такая обычно живописная у нас, на Урале. И работать было совсем не трудно, т.к. надо было лишь успевать за картофелеуборочной машиной, которую тащил по полю колесный трактор. Таких современных уборочных агрегатов в том подсобном хозяйстве было несколько, и мы за один день и убрали, и вывезли на воинские склады всю картошку.

К вечеру мы были уже свободны и в ожидании обратного транспорта собрались на поле, около двух костров, где отдыхали и одновременно выгребали из золы вкуснейшие печеные картофелины. Теплый вечер, пламя костров и удовлетворение сделанным за день как-то располагали всех к общению и общему разговору.

И вот тут наш новый комроты лейтенант Павлов предложил собраться всем у одного костра, чтобы разучить новую строевую

песню. Все подошли и устроились поближе, а он рассказал нам, что в Ойрот-Туре их любимыми строевыми песнями были “Взвейтесь, соколы, орлами” и “Ребята-ястребки”. А еще о том, что хорошо их запекает Анатолий Ревякин. И выводит в круг белобрысого паренька чуть повыше среднего роста, монгольским таким лицом. “Давайте,- говорит комроты,- пока есть время, порепетируем. Вы сначала послушайте, а ленинградцы с Ревякиным споют. А потом все вместе попробуем”.

И этот памятный “акапельный концерт” строевой песни на месте, а не в движении, начался. Лейтенант подсчитал темп: “раз-два, три-и”, и тут мы услышали высокий, сильный голос, который взвился вверх, как и первое слово этой лихой и задорной солдатской песни:

*Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать !
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять !*

Все мы как-то сразу оживились, и усталость, накопившаяся за день, куда-то моментально исчезла. Даже вспомнился недавний лагерь, построенный своими руками на берегу Исетского озера. Ясное летнее утро. Звук трубы, звонко и далеко слышный в прибрежном лесу и оповещающий о начале дня. Солнышко к моменту подъема уже выглядывает из-за гор и, словно лукаво улыбаясь, приветствует ребят выбегающих из затемненных палаток. Как хорошо дышится! Мы молоды и дышим полной грудью. Пробегка, основательная разминка, еще пробегка и - в воду!

- *Взвейтесь, со..!* - на еще более высокой ноте начинается запевала повтор куплета. И в это время ленинградцы так же лихо, но “басовито”, и в таком же темпе начинают выговаривать, “догоняя” запевалу:

*Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать !*

После этого, перебивая их, вверх, опять на высоких нотах взлетают слова запевалы:

- То ли де..!

А шприн на полуслове, опять так же басовито подхватывают вторую пару строчек и с ней заканчивают весь первый куплет

*- То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять !*

Потом песня не менее лихо поведала о том, что “там, едва шприн настанет, строй пехоты закипит, барабаном дружно грянет и штыками заблестит”. И все это с такой же молодецкой удалью, шпором и присвистом. Словом, получился интересный рассказ о тактических полевых занятиях рослых суворовских чудопатырей.

Нам, уральцам, эта песня понравилась сразу. Знали, видно, какие песни надо было сочинять и как их петь в солдатском строю наши далекие предки. При повторе этой лихой песни мы уже присоединились к поющим и, почти как они, не сбиваясь, довели ее до конца.

Затем мы там же, у вечернего костра, с помощью наших “ленинградцев” разучили и вторую строевую песню “Ребята-ястребки”, которая тоже пришлась всем по душе. Она, видимо, была из фронтового фольклора, т.к. нигде больше я ее в дальнейшем не слышал. Память не сохранила ее слов, т.к. петь их в строю полностью было делом запевалы. Помню теперь лишь ее припев, который с повтором двух его последних строк пели все:

*Эх, крепки ребята-ястребки,
С “мессершмидтом” справится любой !
Ты согрей нас жарко, фронтовая чарка,
Завтра утром - снова - в бой !*

И эта песня стала “нашей”. Мы также безоговорочно приняли ее в свой строй, т.к. каждый из нас в душе чувствовал себя таким “ястребком”. А когда, в конце концов, пришел наш транспорт, то по пути домой мы лихо распевали свои “новинки”, проносясь в открытых грузовиках и по загородным дорогам, и по улицам вечернего Свердловска...

С тех пор эти песни стали нашими “коронными” в строю, а Толя Ревякин - первым запевалой. Он, действительно, обладал незаурядным даром. Природа щедро наделила его и сильным

голосом, и артистичностью, и тонким музыкальным слухом. Он знал много песен и часто пел их для всех при наших многочисленных и разнообразных работах с выездом и вечерами, в кубрике, перед сном. Многие из нас, да и командиры тоже, убеждали его пойти в Свердловскую консерваторию “прослушаться”, но он так и не поддавался уговорам: хотелось парню летать. Видно, мечта стать летчиком была у этого парня сильнее его голоса.

Каждому понятно, что служба военного летчика, особенно в истребительной авиации, изобилует опасными ситуациями, да и не из легких она. Однако, помнится, что наш запевала еще до своего первого взлета, еще будучи спецом, дважды рисковал своей жизнью. Как ни странно, но в обоих этих случаях я оказался его партнером, или “соучастником”. И все это, видимо, не только потому, что наши двухъярусные койки в кубрике были соседними, в нашем пятом взводе мы как-то скоро стали добрыми приятелями.

Оба эти происшествия случились в тот же первый послевоенный год. И первое из них - на шоссе из бывшего тогда Центрального поселка Уралмаша к площади Первой Пятилетки, где были главные проходные этого огромного завода.

Осенним вечером, где-то перед Октябрьскими праздниками, когда и снег, и ветер, и дождь - всё на Урале бывает сразу - наша рота с энтузиазмом и песнями топала по этому шоссе в кинотеатр “Темп”. От школы это где-то километра три с лишним. Культпоходы такие бывали не часто, поэтому мы, несмотря на непогоду, были рады этой возможности. Идем, как положено, по правой стороне проезжей части дороги, с красными фонарями спереди и сзади колонны по четыре, пятью взводами. Темный вечер, есть встречные и попутные машины, которые переключают фары с дальнего на ближний свет и осторожно разъезжаются, оберегая строй.

Однако вдруг слышу я сзади отчаянный крик нескольких женских голосов и сразу же получаю сильный удар головой в спину от идущего в строй сзади меня. Падая, я поневоле моментально передаю такой же удар в спину впереди идущему. Словом, мы все

припали, как фишки домино, если их поставить друг за другом, на ребро, с определенным интервалом, а заднюю уронить на предыдущую. Так получилось и с нашей колонной. А отчего?

Ожидается, встречная легковая машина, поздно переключив свет, ослепила водителя пятитонного грузовика, который мчался сзади, по нашей стороне дороги. Тот в хлопьях снега поздно увидел наш предупреждающий красный фонарь, да и сам строй - тоже. Тот поздно сбросил скорость и поздно нажал на тормоза.

От удара в спину я, ударив головой переднего соседа, вылетел на обочину дороги. В момент падения вижу, как пятитонка скользит своими заторможенными колесами по булыжному шоссе и, словно бульдозер землю, громоздит перед собой груды тел в серых шинелях. Это были мои товарищи по пятому, т.е. заднему в строю взводу, которые остались на дороге, а не были, как я, выброшены на обочину. Вся эта “картина” ослепительно освещалась фарами этого грузовика и вмиг остановившихся встречных машин.

Что было дальше? Лучше не вспоминать о последствиях... Досталось конечно, нашему, пятому взводу. Были и переломы рук и ног, сотрясения и пр. Хорошо хоть обошлось без трупов, смертельных травм и переломов позвоночника. А в целом-то пришлось многим парням из нашего “гвардейского” взвода повалиться тогда в госпитале и весной быть забракованными на лётной медкомиссии.

Помню, как кричали и плакали тогда перепуганные женщины, ехавшие в кузове этого злосчастного грузовика. Как наш разъяренный лейтенант Павлов, вне себя, с пистолетом в руке рвал ручку дверцы кабины, намереваясь на месте расстрелять плачущего шофера этой пятитонки. Хорошо хоть не удалось ему это сделать. Собрав свои шапки, мы тоже бросились к кабине и, как могли, успокоили своего командира еще до приезда машины ГАИ. В то же время мы все старались убрать с дороги и оказать помощь тем, кто сам не мог встать, одновременно успокаивая их. Надо отдать должное: милиция и “скорые” появились тогда не замедлили.

Про кино, конечно, пришлось забыть, т.к. надо было грузить и

сопровождать потерпевших парней. Кроме того, появляться в "Темпе" было уже поздно, да и не до кино тогда было. Своего "кино" насмотрелись...

Ну, а Толя Ревякин благополучно уцелел и, как и я, отделался лишь синяками да шишками. Ведь запедала, как правило, идет в середине строя. Так было и в тот раз, хотя он был из пятого взвода. Правда, возвращались мы домой тогда молча, без песен...

ОПАСНОСТЬ, в которой мы с запедалой оказались весной следующего года, возникла целиком по нашей вине и из-за нашей глупой мальчишеской лихости. Апрель тогда у нас выдался напряженным. Тут и подготовка к одиннадцати выпускным экзаменам, и подготовка к Первомайскому параду с ее участием в гарнизонных тренировках-репетициях. Все это, как, правило, сочеталось с обычными школьными "шабашками", которые на нас неизбежно выпадали.

Весна та была ранняя. Конец апреля для Свердловска оказался совсем летним. Наш взвод несколько дней, в лесу, около поселка Березовского был на заготовке сосновой щепы, т.е. дранки, которая нужна была для переборки крыш в летнем лагере. К сплошной вырубке нам отвели там участок соснового леса. Надо было свалить сосны и разделить их ровные стволы на чурки строго определенной длины. А затем настругать из них эту самую дранку на довольно примитивном "дедовском" станке с длинным рычагом и ножом к нему. Нам казалось, что работа эта, как и заготовка тех самых чурок, требовала не столько ума, сколько физической силы. Однако случай вскоре убедил нас в обратном. Нас, т.е. меня с Анатолием Ревякиным, которых определили тогда на лесоповал.

Мы шли с ним и подряд валили те красивейшие уральские сосенки. Дранка из их древесины получалась отличная, смолистая, ровная, а значит, устойчивая к непогоде и долговечная. Сначала все шло хорошо. Сосны послушно падали на землю, где мы их и разделявали. Но вот лес стал погуще, и одна сосна при падении застряла, т.е. только навалилась на соседку и не дошла до земли.

Мы с Анатолием, не долго думая, решили ударить застрявшую, свалив на нее сбоку еще одно дерево. Сказано - сделано. Вторая

хорошо ударив по застрявшему дереву, прокатилась по нему и остановилась на его сучьях. Вторую "люстру повесили"! Но к нашей досаде, мы имели уже два спиленных и оставшихся дерева, которые и не разделаешь, и опасаться надо, в любой момент они свалиться могут на кого-нибудь, а сейчас на нас, пожалуй.

Что делать? Снова, не долго думая, мы решили валить сюда еще одну сосну. Должна же такая "куча мала", наконец, разрешить нашу проблему! И пока мы выбирали третью жертву, отвернувшись от уже содеянного, второй ствол быстро и как-то бесшумно поехал вниз. Незаметно для нас он набрал скорость, и когда мы заметили, что он уже рядом, было уже поздно. С открытыми ртами мы смотрели на летящий на нас ствол. Раница у нас была только в том, что я, держа в одной руке пилу, наклонился в то время за упавшей на землю пилоткой.

А далее всё произошло в какие-то мгновенья и это "всё" - спасло нас обоих. Взаимное расположение спиленных деревьев, оказывается, было таким, что вскоре верхняя часть движущегося ствола, не долетев до нас, упала на землю и остановилась. Комель же его, с еще большей скоростью скользнул по нижнему стволу и, выканчивая мощное падение всего дерева, пролетел над моей головой и врезался в землю около моих ног. Такое счастливое разделение падения дерева на два этапа спасло нас, т.е. обоих незадачливых лесорубов. Хорошо, что верхушка его упала на землю раньше, первой и до моего напарника, т.к. она оказалась тяжелее комля. И хорошо, что в момент стремительного приземления комля я нагнулся за своей упавшей пилоткой. Так нам крупно повезло обоим.

Постепенно мы поняли, что по своему легкомыслию только что играли со смертью. Видно, она снова пожалела тогда талант нашего ротного запедалы, да и меня с ним вместе...

ЛЕТОМ 46-го года последовал наш выпуск из спецшколы, которая стала для нас, возмужавших мальчишек, настоящей школой жизни. Всё, что было там, пошло нам на пользу... Разметала тогда нас судьба по многим адресам. Те, кто вновь одолел лётную медкомиссию, были направлены в училища летчиков и штурманов, "забракованные для неба" - в различные авиатехнические училища.

Мне же пришлось в тот год “переодеться”: я попал в моряки, т.е. был направлен в Подготовительное военно-морское авиационное училище, за которым последовала моя учеба в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н.Е. Жуковского. И вот здесь, в феврале 1950 года неожиданно и в последний раз я встретил нашего запевалу. Четыре года тогда пролетело после нашей спецшколы, и оба мы уже были офицерами.

В зимние каникулы 1950 года, между семестрами, слушатели “Жуковки” с недоумением начали замечать, что через КПП (контрольно-пропускной пункт) нашего 30-го корпуса каждый день проходит много незнакомых офицеров-авиаторов. Всех их потом на несколько дней размещали на жительство в здешнем спортзале. А затем они в разное время, но в один день, уезжали переодетые в сравнительно новую гражданскую одежду. Через некоторое время то же самое происходило и с другими группами приезжающих в академию офицеров.

Характерно, что наши гости в разговоры с нами, слушателями академии, не вступали и знакомств не заводили. Они все время были чем-то заняты. У входа в спортзал у них был установлен пропускной режим. Мы же, думая, что это какие-то сборы или курсы повышения квалификации авиационных специалистов, которые в академии были не редкость, в подробности не вдавались. Гражданская одежда отъезжающих нас тоже не удивляла, т.к. любой офицер после (или вне-) службы имеет право носить ее.

Так думал и я, когда у входа в нашу офицерскую столовую совершенно неожиданно встретил лейтенанта Анатолия Ревякина. Помню, как мы оба удивились при этом. Однако, пожалуй, больше был удивлен он, увидев меня моряком и в стенах академии. Поэтому и расспрашивал только он. Мне же накоротке удалось узнать, что он летчик ПВО, служит на Кавказе, около Баку, недавно стал командиром звена, летает на МиГ-15. Тогда это был наш первый серийный реактивный истребитель и самолет по всем статьям - отличный.

А вот почему он приехал в “Жуковку” - я так и не узнал. Как-то не дошел до этого наш первый короткий разговор. Большая часть

его оказалась воспоминаниями типа: “а помнишь?” и взаимными сообщениями кто кого из наших спецов видел. К тому же разговор закончился за ужином, и мой собеседник все куда-то торопился. А следующей встречи у нас с ним, к сожалению, не было: оказалось, что ночью Анатолий уехал...

ИЗВЕСТНО, что в конце июня 1950 года на далеком Корейском полуострове началась междоусобная война “Севера” и “Юга”, которая по сути замышлялась и стала первой практической пробой сил СССР и США, а также их союзников с обеих сторон. Лишь тогда, летом, мы поняли “природу” тех таинственных групп летчиков и авиатехников, на время прибывавших в нашу академию. Видимо, азиатская физиономия и летное мастерство Анатолия Ревякина обеспечили ему тогда “протекцию” в гущу готовящихся корейских событий.

Уцелел ли в них наш ротный запевала? Ведь в небе Кореи было жарко целых три года... Вот и думаю я: как-нибудь накануне августовского Дня Воздушного Флота попросить радиопередачу “Встреча с песней” в лице ее интеллигентного и доброго ведущего Виктора Витальевича Татарского - “тряхнуть стариной”. Пусть теплым приветом для всех мальчишек 40-х годов, бывших “спецов” из Уралмашевской спецшколы ВВС №13 выпуска 46-го года и их запевалы, которым сегодня уже далеко за 70, прозвучит боевой призыв “Взвейтесь, соколы, орлами!”

Действительно, не поддавайтесь годам и хворям, парни! Мы прожили интересную и достойную жизнь. Нам есть, что с гордостью рассказать сегодня молодым. Главное, ребята, сердцем не стареть!

2001 год.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*“Но мы-то доподлинно
знаем,*

*Нам знать довелось
на роду,-*

*Что было девятого мая,
весной, в сорок пятом
году.”*

/СЕРГЕЙ ОРЛОВ/

ВРЕМЯ неумолимо удаляет нас от майского утра 1945 года, которое принесло нам весть о Победе. Однако каждый советский человек, переживший те волнующие часы и минуты, навсегда сохранит их в своей памяти. Они поистине незабываемы и неповторимы. Вот и сегодня, в День 56-й годовщины Победы Советского Союза над фашистской Германией, я, как и другие очевидцы, готов воспроизвести основные события, пережитые мной 9 мая 1945 года т.е. в самый первый День Победы...

Конец апреля был тогда в Свердловске солнечным, теплым и совсем летним. Наша спецшкола ВВС, как и все местные воинские части, уже давно перешла на летнюю форму одежды. Мы вместе со всеми готовились к Первомайскому параду войск Свердловского гарнизона. В этом городе, который был не только столицей Урала, но и УралВО (т.е. Уральского военного округа), Первомайские и Октябрьские военные парады были тогда обязательными и традиционными.

Надо сказать, что участие в таком ответственном мероприятии и для нас, мальчишек, и для наших офицеров было делом непростым и нелегким. Оно требовало большой и напряженной подготовки, которая шла ежедневно, в течение месяца. Общегарнизонные тренировки следовали примерно через десять дней, и завершались они генеральной репетицией, которая обычно проводилась накануне, по полной программе парада, но в темное время суток. И все это сочеталось с нашей плановой учебой и несением внутренней службы.

В то же время мы взволнованно переживали бурный поток военных известий с фронта. Каждый знал, что советские войска окружили логово фашизма, Берлин, и вошли в него. Но каждый, по опыту Сталинграда, понимал, что уличные бои в таком большом городе, как Берлин, будут тяжелыми и длительными. Думалось, что до их окончания еще не меньше месяца, т.к. фашисты с большим количеством смертников будут защищать свою столицу. Да и радио ежедневно сообщало о том, что в Берлине, где идут тяжелые бои, стреляют каждый подвал и каждое окно.

Однако в воздухе так и веяло весной и победой. Все мы надеждались, надеялись и знали, что окончание войны уже не за горами. С таким победным настроением мы воодушевленно протопали на гарнизонном параде по центральной площади Свердловска - Площади 1905 года - в тот солнечный и цветущий Первомай последнего года войны. И хотя, конечно, строевой шаг батальона нашей спецшколы опытные строевики лишь с улыбкой и условно могли бы назвать солдатским, перед трибунами мы прошли выстроившись, как слитые, и в затылок, и в шеренгах “по восемь”. Помнится, что спецшкола тогда даже получила благодарность командующего округом.

В то же время на Уралмаше (т.е. на Уральском заводе тяжелого машиностроения - УЗТМ, в поселке которого мы жили) шла прежняя напряженная работа по массовому выпуску тяжелых самоходных артиллерийских установок. Мимо нашей школы, по железнодорожной ветке несколько раз в день, с завода и обратно проходили составы с такими штурмовыми орудиями на платформе. Свою первую пробу огнем, т.е. пристрелку, эти СУ-122 и СУ-152 (самоходные установки калибра 122 и 152 миллиметра) проходили на полигоне. Отзвуки пушечной канонады оттуда мы слышали днем и ночью. Война продолжалась, и уралмашевцы, как и прежде, самоотверженно трудились для Победы.

Выполняя задания Орджоникидзевого (т.е. Уралмашевского) райвоенкомата Свердловска, нам, спецшкольникам, много раз приходилось разносить повестки военнообязанным, по которым тем надлежало являться в военкомат. Ясно, что за этим следовала

отправка в воинские части и далее, т.е. на фронт. Мне никогда не забыть, как с получением такой повестки в семьях этих людей сразу возникало напряжение и беспокойство. Ведь за прошедшие годы и взрослые, и дети на себе прочувствовали что такое война и фронт. Чего стоит мучительное ожидание весточки оттуда или потеря там близкого, родного человека. Война продолжалась, и каждый ее день беспощадно уносил и калечил многие тысячи жизней. Поэтому подобные задания с повестками военкомата никто из нас не любил. Мы чувствовали себя людьми, невольными приносящими в дом беду, т.е. без вины виноватыми. Однако выполнять такие задания нам приходилось даже и в тот, последний месяц войны.

ПОМНИТСЯ, что хотя все мы напряженно ждали конца войны и многократно, и по-разному представляли себе, как это будет, на самом деле все это случилось совсем не так. Весть о Победе пришла к нам тогда все равно как-то вдруг и оглушительно внезапно. Она стремительно и еще до подъема ворвалась в наши кубрики (т.е. спальные помещения) солнечным ранним утром, в среду, девятого мая. Ее с каким-то неповторимым криком принес к нам помдеж по школе Витька Алексеев. Со второго этажа, где он дежурил с командиром взвода лейтенантом Чирковым, Витька на одном дыхании взлетел на пятый, казарменный этаж, как только они оба слышали об этом по радио.

Кубрик нашей роты был первым у входа в казарменный коридор. Витька стремглав ворвался к нам и заорал так, как, наверное, еще никогда не делал в своей жизни: "Рота, подь- ё - о - м ! По - бе - да! Войне ко - н - е - ц ! У - р - р - а - а !". В подтверждение этому он схватил увесистую казарменную табуретку и со всего размаха трахнул ее об пол. Не проснуться от такого истошного крика и "салюта" было просто нельзя. Мы все, как горох, посыпались вниз со своих двухъярусных коек.

То, что происходило в казарме потом, когда мы и наши соседи окончательно поняли и представили себе смысл случившегося, словами выразить весьма трудно. Крики радости каждого слились в один непонятный, протяжный крик: "А - а - а !". Все парни в кубриках и в коридоре, полуодетые, босиком, орали, плясали и

пригали парами и в одиночку. Многие из нас не могли сдержаться от слез. В этой суматохе помдежа Витьку изрядно помяли, и он не сразу нашел потом свою фуражку.

Так непрерывно продолжалось несколько минут, пока всех нас мгновенно не отрезвил сильный и знакомый сигнал трубы. Школьный сигналист и трубач духового оркестра Петр Хромов по приказанию дежурного по школе старательно и точно выдал нам настоящий "подъем".

Построение всех рот на этот раз произошло в рекордно короткий срок. Лейтенант Чирков быстро обошел кубрики и объявил, что физзарядки не будет. Всем умываться, завтракать и готовиться к общему построению батальона на улице. И оно произошло, это торжественное общее построение, как только прибыло наше офицерство во главе с начальником школы, заслуженным фронтовиком майором Смирных. Все они были оповещены по тревоге и прибыли на службу в срочном порядке.

До сих пор не могу забыть тот особый, волнующий ритуал торжественного, Победного выноса Знамени школы. Его, печатая шаг, под звуки Встречного марша пронесли перед строем замершего батальона наши знаменосцы. Это были трое парней, которым довелось повоевать еще до зачисления в спецшколу. Об этом красноречиво говорили их партизанские и фронтовые медали. Алый бархат Знамени, залитый ярким майским солнцем, как-то по-особенному волнующе трепетал на ветру. Словно и Знамя наше вместе с нами было радо тому, что на родную землю пришел наконец-то этот долгожданный и радостный первый день мира. Видеть это для всех было и волнительно, и трогательно. Мы влюбленными и восторженными глазами провожали свою святыню, пока она не заняла свое место на правом фланге развернутого строя батальона.

Затем начальник школы взволнованно рассказал нам о подписании накануне акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, об окончании войны, поздравил нас с Великой Победой. После того, как роты постарались дружно ответить на это трехкратным "ура", нам сообщили, что сейчас мы идем на торжественный митинг трудящихся

Орджоникидзевского района, так как 9-ое мая объявлено праздничным днем. Последовали раскатистые и певучие команды нашего комбата старшего лейтенанта Пластинина, и батальон с развернутым Знаменем и оркестром во главе, под звуки марша двинулся к площади Первой Пятилетки.

Сюда, в центр Уралмаша, с песнями и оркестрами уже собирались колонны трудящихся. У всех - красочные праздничные транспаранты и лозунги, на которых, как и на трибунах, многократно повторялось и славилось замечательное, долгожданное и, конечно, самое лучше тогда на Земле слово "Победа". И как только уралмашевцы успели в то утро написать так много новых лозунгов! Радость Победы была на всех лицах. Люди улыбались и весело смеялись, они пели и плакали от переполнившего их счастья. Великая радость от сознания годами лишений и бед выстраданной ими Победы была общей. Всё это мы видели, проходя по уже многолюдной площади.

Останавливаясь на отведенном нам месте, мы заметили за собой внушительную колонну свежепокрашенных самоходок в походном строю. На передней из них два танкиста в новеньких комбинезонах и шлемах надежно и любовно держали боевое Знамя своей части.

Но вот в мощных динамиках, установленных в разных местах огромной площади, громко зазвучала ликующая музыка, которая разом перекрыла все возгласы, разговоры и песни. Начался торжественный митинг. Люди с напряженным вниманием и волнением прослушали историческое сообщение Совинформбюро о победном окончании Великой Отечественной войны и позорном крахе фашистской Германии. Последовало несколько коротких взволнованных выступлений представителей военных и всех поколений уралмашевцев. В каждом из них звучали радость и гордость Великой Победой, а также боль об утратах и лишениях на долгом пути к ней. Люди на площади и трибунах не скрывали своих чувств и слез.

Завершился этот митинг первого дня мира. Думается, что четкое проведение такого послевоенного торжества огромного числа уралмашевцев обеспечили умелая его организация со

стороны местных партийных и советских органов и, конечно, дисциплинированность трудовых коллективов цехов этого прославленного завода. Ведь всё здесь, на площади, пришлось планировать и решать на ходу, экспромтом, при массовом и, во многом, стихийном стечении больших масс народа. Однако все прошло тогда благополучно, празднично и незабываемо.

С окончанием митинга все, одетые в военную форму чувствовали себя именинниками. Ведь столько здравниц было сказано в честь нашей доблестной и победоносной Красной Армии! Люди подходили, благодарили нас и тепло поздравляли с Победой. Нам дарили букетики лесных подснежников.

Затем в динамиках вновь зазвучали военные марши, и по площади Первой Пятилетки торжественно прошли все местные воинские части и подразделения. В плотном коридоре изволнованной и восторженной толпы прошел и батальон нашей спецшколы. С завидной слаженностью, в колонну "по четыре", с развевающимся Знаменем впереди мы увлеченно протопали по уралмашевской брусчатке.

На выходе с площади нас остановили и развернули лицом к дороге, которую мы уступили следующим за нами колоннам. Такой колонной оказался уже знакомый нам полк тяжелых самоходных установок. На большой скорости, с развевающимся на ветру знаменем он, как по ниточке, и с равными интервалами промчался по площади. Девушки бросали букеты весенних цветов на броню боевых машин. Торжествующим ревом своих мощных моторов эти грозные машины как бы утвердили и закрепили общую радость Победы. После долгих лет войны они впервые уходили с завода не на фронт, а на защиту уже завоеванного мира.

Закончились торжества на площади Уралмаша. Люди расходились по домам. Оркестры в динамиках продолжали марши и песни радости. Нас еще раз поздравили с праздником и, объявив всем увольнение до вечерней поверки, к нашему общему ликование и крику "ура", скомандовали: "Разойдись!". Так, небольшими группами, парами и в одиночку мы провели весь этот день на торжествующих улицах Свердловска.

Нельзя не повторить о том, что впечатления от того, первого

Праздника Победы - незабываемы. Это было море солнца, радостных и счастливых улыбок ликующих людей, весенних цветов и родного красного цвета лозунгов, знамен, пионерских галстуков, ленточек и бантов. Музыка лилась из уличных динамиков и раскрытых окон домов. Почти на каждом перекрестке улиц двухэтажных уралмашевских домов люди неумоимо и увлеченно плясали под гармошки, баяны, аккордеоны, а то и просто под "хлопки". Плясали все, кто мог и хотел выразить свое ликование. Плясали от души, нисколько не стесняясь своего неумения; некоторые, видимо, вообще делали это впервые за многие годы своей жизни. Настолько велика была общая радость Победы.

Характерно и то, что на улицах в тот день почти не было заметно признаков пьянства или выпивки. Народ жил трудно. Люди умели тогда ценить кусок хлеба гораздо выше стакана спиртного. А для веселья в тот день совсем не надо было создавать искусственного настроения. Ощущение свершившегося счастья Победы и радости завоеванного мира переполняло сердца и разум людей.

Праздничные, подобно уралмашевскому, митинги прошли утром 9-го мая и в других заводских районах, и на центральной площади Свердловска. Везде, где было можно, свердловчане выражали свою радость случившимся и делали это на людях, т.е. собираясь вместе, по воле замечательного чувства советского коллективизма и дружбы народов, которое и привело нас тогда к Победе.

Вечером массовые пляски и танцы на площадях и улицах города сменились песнями во дворах и "на завалинках". В этих песнях люди выражали и радость, и скорбь, и свои особые надежды на лучшее будущее, которое обязательно придет после этой жестокой войны на нашу родную и многострадальную землю. Придет вместе с теми, кто вернется, кого дома ждут и любят...

А потом всех снова взволновал красочный праздничный салют. В Свердловске он умело выполнялся опытными артиллеристами, которые уже не раз радовали горожан в дни праздников и фронтовых успехов. А в тот вечер они просто превзошли себя. Красочные и многочисленные фонтаны огня салюта Победы долго заставляли "ахать" своих восхищенных очевидцев.

... С тех пор минуло много лет. Во взрослую жизнь сейчас ужеступает третье поколение людей, знающих о Великой Отечественной только по наслышке или из средств массовой информации, которые далеко не всегда несут им правду. Но для нас, ветеранов войны и фронтового тыла, всех свидетелей тех трудных, но героических лет, День Победы навсегда останется одним из самых дорогих и знаменательных праздников. Свою гордость за нашу Родину и ее героическое прошлое, весь свой патриотизм и любовь к ней, готовность в любой момент вновь прикрыть ее от беды своей грудью - мы обязаны в полной мере передать тем, кто пришел в жизнь после нас. Без такой исторической эстафеты поколений существование России как свободной и великой державы - немыслимо и невозможно.

Май 2001-го года.

СТАРИННЫЙ РОМАНС

*От любви к женщине
родилось все прекрасное на земле.
М. ГОРЬКИЙ/.*

В ОДИН из нынешних весенних дней клуб “Дилетант” нашей гуманитарной средней школы №3 проводил свое очередное занятие. Темой его был “Старинный романс”. Помнится, мне очень хотелось послушать сообщения наших “дилетантов” и, возможно, я не удержался бы даже и от собственного выступления. Уж очень интересная, значительная и волнительная для меня тема была здесь предложена.

К сожалению, нездоровье не позволило мне тогда прийти, чтобы рассказать завсегдатаям клуба о том, как я понимаю и воспринимаю старинный русский романс, что он значит и как звучит для меня. А мне так хотелось, чтобы и дети, и взрослые поняли здесь меня, вместе со мной проникнулись к нему уважением и восторгались этим замечательным сокровищем нашего музыкального и песенного прошлого.

Искреннен, сентиментален и порой даже наивен старинный русский романс. Возможно поэтому он почти всегда прекрасен, чист, притягателен и долговечен. Многие из этих небольших, когда-то популярных лирических стихотворений, положенных на музыку, до сих пор волнуют меня, как и в далекую пору моей офицерской молодости.

Об одном из таких старинных песенных шедевров, а также истории, связанной с ним, я попытаюсь здесь рассказать тем, кому это будет интересно.

... В САМОМ начале 50-х годов офицерская судьба занесла меня для службы и жительства в небольшой прибрежный эстонский городок. Это был известный во всей Прибалтике старинный курорт Пярну. Известен он был своими знаменитыми грязелечебницами, куда состоятельные шведы, финны и другие прибалты, и даже англичане приезжали поправлять свое здоровье во времена буржуазной Эстонии.

Несколько мирных лет уже восстановили жизнь в этом городе, но тяжкое наследие минувшей войны встречались здесь еще повсюду. Полностью были разрушены центральные кварталы города. Продувая пустые глазницы окон и мрачные остатки каменных стен, осенний ветер с моря наводил здесь на прохожих угнетающую кладбищенскую тоску.

Отступавшие гитлеровцы взорвали и мост через широкое устье реки Пярну, которая впадает здесь в одноименный морской залив. Поэтому берега ее, а значит, и части города, связывались между собой временной понтонной переправой, наведенной нашими саперами вверх по течению, недалеко от торчавших из воды опор прежнего моста. По длинному настилу понтонов, который непрерывно качался на волнах, осторожно продвигались машины и повозки, шли докеры и рыбаки на работу в порт, а военные, зачастую подняв от сырого ветра с моря воротники шинелей и курток, - к себе в части.

Расположение большого военного городка, который раньше, до войны, был здесь при аэродроме, теперь определялось лишь по остаткам фундаментов домов. Строители успели наспех собрать на части из них десяток-другой финских домиков, барачных и несколько двухэтажных деревянных зданий. Здесь размещались штабы, казармы и жилье для офицерских семей.

Однако нам, молодым и несемейным офицерам, приходилось квартироваться в городе, у частных. Каждому из нас, прибывающих в полк, командир своей властью давал “три дня на устройство”. Это означало, что за такой срок ты сам должен был найти себе “крышу над головой”. Какая она у тебя будет: “угол” т.е. койка в комнате вместе с хозяевами, или отдельная комнатуха - дело личного везения. Важно было, чтобы в случае надобности тебя быстро мог разыскать посыльный, а ты прибывал бы в строй боеспособным и без опоздания, т.е. размещался не за тридевять земель от аэродрома.

К сожалению, найти жилье в городе было весьма непросто. Война и здесь откликнулась своим характерным эхом. Зачастую недружелюбно настроенные эстонцы рекомендовали офицеру, ищущему квартиру, пройти на “проспект Жаворонкова”, которым

после долгих его розысков оказывались кварталы разрушенных в войну домов. Это был результат бомбовых ударов нашей морской авиации, которая в свое время выкуривала из города и порта отчаянно сопротивлявшихся гитлеровцев. (Маршал авиации Жаворонков в годы войны был командующим авиацией ВМФ). А, в основном, сказывалось то, что горожане сами бедствовали из-за нехватки жилья.

К счастью, в устройстве мне повезло: помогли мои новые сослуживцы. Одному из них, старшему лейтенанту Кирееву, которого за покладистый характер все офицеры эскадрильи звали просто Саней, удалось замолвить за меня убедительное словечко перед своей хозяйкой. Через день старушка-эстонка разыскала свободную комнату на соседней в ней улице. И после нескольких ночей, проведенных в "перелетной гостинице", я уже тащил свой холостяцкий чемодан по указанному мне адресу.

Дело в том, что в заречной части города, особенно по улицам Вяйке Куке и Суур Куке (или, как я потом узнал - Малой Петушиной и Большой Петушиной) шло тогда большое жилищное строительство. То тут, то там частники возводили себе по-эстонски островерхие, в два яруса дома. Ясно, что это и по тем временам было делом весьма накладным. Потому застройщики вынуждены были иногда пускать нашего брата-военного на постой. Сравнительно высокая плата за квартиру несколько помогала частнику завершить начатое строительство.

И вот, старательно выполняя советы рекомендовавшей меня старушки, я стою перед своими будущими хозяевами и не скуплюсь на благожелательные, располагающие улыбки и нехитрые, но конкретные обещания. Видимо, моя "дипломатия" тогда удалась и, посоветовавшись по-своему, они решились вручить мне ключи от своего флигеля, где были жилая комната и маленькая кухня.

Хочется думать, что и в дальнейшем мои хозяева не были разочарованы своим постояльцем. А я, как мог, старался выполнять исконное правило и давний родительский наказ: "Не будь сам поросёнком, если хочешь, чтобы люди относились к тебе по-человечески".

Забегая вперед, скажу, что много лет спустя, я снова побывал в Пярну и там разыскал место своего прежнего жительства. С помощью старожилов я нашел и своих прежних хозяев, супругов Писсау, хотя это было весьма непросто, т.к. весь их микрорайон был уже застроен многоэтажными домами.

Однако встретиться и поделиться воспоминаниями мне удалось лишь с доброй старушкой Миной Адовной. А ее муж, никогда не унывающий юморист и увалень Александр Гансович уже давно покоился на городском кладбище...

НО ВОТ закончилась тогда первая для меня, затяжная балтийская осень. Этого времени мне вполне хватило на то, чтобы освоиться с жизнью части и своей службой, поближе познакомиться со своими новыми товарищами, да и со всем этим своеобразным, уютным курортным городком. Ни Дома офицеров, ни маломальского клуба части у нас тогда еще не было. Телевидение было столичной роскошью и диковинкой, а кино в гарнизоне "крутили" в матросской столовой. Собственные книги офицерства шли по кругу, т.к. и в городской, и в заречной библиотеках почти вся литература была на эстонском языке, в котором все мы были довольно слабы.

Поэтому в свободное время молодые офицеры, кроме посещения кино и танцев, иногда собирались друг у друга. Мы слушали радио, заводили пластинки, а то и просто подолгу и увлеченно спорили. Были среди нас увлеченные рыбалкой, охотой, радиолюбительством, фотографией и всем тем разнообразием дел, что обычно называют "умелые руки". Нам было что рассказать и показать друг другу. Многие из нас готовились к поступлению в военные академии. Жаль только, что свободного времени у офицера в строевой части бывает очень мало. Но думается, что нынешний показ жизни послевоенного советского офицерства сплошным пьянством, картежной игрой и развратом - гнусная и целенаправленная клевета на мое поколение.

Как-то в один из зимних субботних вечеров мой сослуживец, лейтенант Лёша Дедков объявил сбор у себя. Мы были близки с ним по воспоминаниям о Свердловске, где я учился в войну, а он был родом. Пришли мы к нему почти все одновременно,

познакомились с его милыми старичками-хозяевами, встретившими нас, и только тут узнали, что этот шалопай собрал нас на свой день рождения.

Под общий смех, символически приподняв виновника за уши положенное число раз, наше офицерство невольно задумалось о том, как быть: ведь вся торговая жизнь в городе уже заканчивалась. Пока мы выговаривали улыбающемуся “новорожденному” за его сюрприз, старички наши пошептались и пригласили всех на свою половину дома.

Здесь сразу же последовала команда раздвигать стол, а в дополнение к запасам Лёшки на скатерти появился внушительный старинный графин с домашней вишневой наливкой и еще много вкусного, приготовленного умелыми руками хозяйки.

Осмотревшись, мы увидели, что посреди этого обычного эстонского дома стоит большая русская печь. А вскоре узнали, что гостеприимные хозяева наши - бывшие псковские жители, которые приехали сюда на лечение еще до революции, да так и остались здесь навсегда.

Помнится также, что от первой нашей стеснительности очень скоро не было и следа: Николай Дмитриевич и Полина Давыдовна как-то умно и тактично сумели расположить к себе молодежь. И вскоре мы чувствовали себя у них совсем по-домашнему, как у давно знакомых, старших друзей.

...ЧАСА через два, когда были сказаны все подходящие тосты и даже перепеты все общеизвестные песни, Николай Дмитриевич вдруг попросил нашего “главного музыканта”, Саню, передать гитару ему. Он задумчиво перебрал ее струны и, глядя только на Полину Давыдовну, запел сильным, мужественным баритоном:

*Накинув плащ, с гитарой под полою,
К ее окну приник в тиши ночной.*

Мы все просто замерли от неожиданности. С этими словами произошло настоящее чудо перерождения нашей милой старушки. Глаза Полины Давыдовны по-молодому заблестели. Они прямо-таки говорили с глазами мужа, словно сердечно благодарили его за добрую память о чем-то их общем и сокровенном, известном только им двоим.

*Не разбужу ль я песней удалю,-
Роскошный сон красавицы молодой?*

- договаривали они вместе при нашем общем оцепенении.

По всему было видно, что этот красивый и звучный романс уже давно был знаком и всегда дорог им обоим, как ниточка, связывающая их с далекой, но прекрасной молодостью. Что оба они всегда любили и помнили его и о нем, но только какие-то другие, очень большие события долго не позволяли им вслух говорить друг другу его чарующие слова. А сейчас такая возможность пришла вновь.

В безмолвном напряжении мы прослушали второй куплет романса:

*Звезда души, волшебница золотая,
Я слышу тон и звук твоих речей,
Любимых уст улыбка неземная
И стройный стан, и черный шелк кудрей.*

Он поразил нас необычной силой и выразительностью эпитетов, которыми влюбленный юноша награждал здесь предмет своей страсти. Как здорово!- подумалось мне. - А смог бы я найти и сказать кому-то такие слова? Видимо, для этого надо очень сильно любить и, пожалуй, даже боготворить свою девушку.

Но чем же закончится этот романс? Что скажет в ответ та девушка? Чем ответит она на такие страстные слова? Лишь бы только она поверила в их искренность и приняла их!

Вновь прозвучал аккорд гитары, и мы услышали продолжение:

*Но не страшись меня, молодая дева,
Я не смущу твоих отрадных снов
Неистовством разгульного напева,
Чиста и песнь, когда чиста любовь.*

Да, да ! Как правильно сказано: “Чиста и песнь, когда чиста любовь”! Только искренность и чистота чувства позволит человеку найти такие неотразимые по своей силе слова.

В исполнении наших новых друзей это было нечто потрясающее. Никогда ничего подобного я не слышал ни до-, ни после этого. Ни один, даже самый искусный дуэт очень опытных мастеров сцены не смог бы, пожалуй, добиться, такой правдивости и искренности